

радуга

для друга

МИХАИЛ

САМАРСКИЙ

На качелях
между холмами

Радуга для друга

Михаил Самарский

На качелях между холмами

«АСТ»

2012

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Самарский М. А.

На качелях между холмами / М. А. Самарский — «АСТ»,
2012 — (Радуга для друга)

ISBN 978-5-17-105163-1

«Первого сентября идти в седьмой класс. И хочешь не хочешь, придётся, как обычно, писать сочинение на тему «Как я провёл лето». Так вот, чтобы не терять даром время, я и решил вместо пошлого сочинения в одно предложение написать всё, что я думаю о себе и тех, с кем мне приходилось, приходится и ещё долго-долго придётся общаться в будущем. Первое предложение: «Я провёл лето в размышлениях...». Классно? Ну а дальше, собственно, сами размышления. Правды хотите, господа взрослые? Так вот вам — правда».

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-105163-1

© Самарский М. А., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Самарский

На качелях между холмами

© Михаил Самарский, 2018

© «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Самому дорогому человеку на свете —
маме*

*Многие думают, что детство было
самым лучшим и приятным временем
их жизни. Но это не так. Это самые
тяжёлые годы...*

И. Кант

Предисловие

Научитесь слышать, взрослые! Именно к этому на страницах первой книги «На качелях между холмами» призывает молодой автор Миша Самарский, московский школьник, решившийся отправить свои летние размышления в издательство.

Перед тобой, читатель, удивительная книга! И пусть тебя не смущает авторская ремарка на обложке – произведение будет интересно как школьникам, так и взрослой аудитории.

Все мы «родом из детства». Дети, внуки, правнуки... Это то, ради чего существует мир. Проза Самарского о мире Миши Миров, в двенадцать осознающего ценность семьи и жизни «в самые тяжёлые годы» – в детстве. Автор не зря выбирает эпиграфом слова Канта и на протяжении всей повести доказывает взрослым свою, «детскую», правду.

Важно, что мальчик, сопереживающий погибшим под колёсами лихачей животным, страдающий чужим бедам, не останавливается на полпути, не озлобляется, а несёт свет потрясающего глубины душевного прозрения, которое может дать только стремление помочь другим, пусть даже ценой собственной жизни. Защитить, спасти – для Мирного, как зовут его одноклассники, норма.

«Как хорошо, что я умею читать!» – искренне восклицает герой. В момент сомнений в правильности законов взрослых он знакомится с творчеством Иосифа Бродского:

«Холмы – это выше нас.
Всегда видны их вершины,
Видны средь крошечной тьмы.
Присно, вчера и ныне
По склону движемся мы.
Смерть – это только равнины,
Жизнь – холмы, холмы...»

И Миша Миров осознаёт озвученную поэтом истину, понятную сердцу: «Жизнь любого человека видна даже во тьме. Для чего мы живём? По склону движемся мы...»

Но ведь по склону холма человек может «двигаться» не только вниз. Наша жизнь не только холмы, она ещё и качели жизненных испытаний, взлетающих то вверх, то вниз: жизнь-смерть, преданность-предательство, дружба-равнодушие, любовь-ненависть...

Герой повести не предаёт свои идеалы, которые вынес из «книг-дорог». Став читателем, исследуя разноликий мир художественного слова, он высказывает открывшуюся истину: «Не хочу равнину... Мы с Машкой два холма...»

Наивный и робкий, но решительный и надёжный, подросток готов многим пожертвовать ради близких и той первой, единственной! Прочитав о мальчишеском чувстве, вы, несомненно, вспомните первую любовь. Значит, и любовь – холм, жизнь!

«Перед смертью я попрошу, чтобы на моём камне нарисовали два холма, а между ними качели». Школьник, оказавшись на больничной койке, думает о завещании. Качели – символ детской беззаботности, одновременно – знак взрослой, непредсказуемой и постоянно меняющейся жизни.

Всё это изложено с яркостью детского восприятия, соединяющего современные разговорные обороты и интонации с мамиными советами и бабушкиными поговорками, с философскими итогами отца и своеобразным юмором деда.

Глядя на мир взрослых широко раскрытыми глазами, Миша Миров не хочет принимать фальшь, он стремится жить по законам добра и сострадания. Посетив на кладбище могилу

взрослого друга, осознав потерю, ребёнок понимает: «Предать отца и мать – самое страшное преступление в этой жизни».

Литературный дебют Михаила Самарского признан критиками сенсацией. И дело тут не в количестве наград и дипломов. Важен смысл поступка – слова, с которым школьник выходит к своему читателю, в мир, где ещё, к счастью, встречаются люди «с добрыми глазами».

Миша Мирон, влюблённый и верящий, продолжает познание взрослого мира. О новых наблюдениях и открытиях в полном опасностей приключениях вы скоро узнаете на страницах метафоричного романа – продолжения «Качелей...» – «Двенадцать прикосновений к горизонту».

А сейчас пожелаем автору, его герою и тебе, читатель, удачи и света! Уверенного движения по склону холма. Мы помним: холмы – это жизнь!

Татьяна Макарова

Глава 1

Я провёл лето в размышлениях...

Как вам начало? Согласен – фигня на постном масле. А что вы хотели? «Некий господин влюбился в ветреную женщину и бросил жену...» или «Полицейского Тони убили среди бела дня выстрелом в затылок...», а может быть, «Вампир поджидал свою жертву в туалете...» или «Инопланетяне прилетели покорить Землю и превратить нас в рабов...»? Да, вот тут-то вы, конечно, продырявите взглядом первую страницу и торопливо перевернёте её, чтобы узнать: а что же там дальше. Да ничего нового. Вы и сами знаете наперёд: влюбчивого изменника настигнет разочарование, жестокого убийцу засадят за решётку, вампира уничтожат либо превратят в безобидную игрушку, а коварных инопланетян переловят, как зайцев, обезвредят, сделают из них мумии и засунут в какой-нибудь музей под Лос-Анджелесом. Музей, конечно, в результате лесных пожаров исчезнет, и человечество снова останется без улик космического нашествия. Вам не надоело? Меня лично от всего этого уже тошнит.

Скажите, только честно, сколько вам лет? Интересуюсь не ради праздного любопытства, это очень важно. Вы видели когда-нибудь на киноафише надпись «Детям до шестнадцати лет просмотр не рекомендуется»? Конечно, видели – я в этом уверен. Так вот моё мнение: более дурацких предупреждений я за свои тринадцать лет не встречал. Мне, конечно, до тринадцати ещё чуть больше месяца, но чего уж там мелочиться. А ещё через год, между прочим, мне уже и паспорт выдадут, в котором чётко и ясно будет написано, что владелец книжечки является гражданином Российской Федерации (кстати, может мне кто-нибудь объяснить, почему в паспортах бабушки, мамы и Лильки – моей старшей сестры – написано, что они гражданки, а не гражданки?). Какой же я к чёрту буду гражданин, если кто-то за меня решает, *что* мне рекомендуется смотреть, а *что* – нет? Меня бесит, когда взрослые считают нас недоумками и тупицами. Скажите, ну что мне могут показать такого в этом идиотском фильме, чего я не знаю и не видел? Нет, фильм, может быть, и неплохой, не спорю, но зачем же писать такую гадость? Аж зло берёт. Согласитесь, в этом есть какая-то несправедливость.

А с другой стороны (только что подумал), может, надпись – это такой рекламный ход. Но всё равно меня это тревожит. Ну да ладно. Речь сейчас не об этом. Так вот, будь я редактором, я на этой книге, прямо на обложке написал бы «Гражданам старше восемнадцати лет читать не рекомендуется» (господин редактор, при положительном решении о публикации данного сочинения прошу учесть моё пожелание). Серьёзно говорю. Если вам перевалило за восемнадцать, а тем более если вы женаты или замужем и у вас есть дети, лучше сразу отложите мою книгу в сторону или выбросьте её в окно. Только смотрите, чтобы она не угодила никому в голову. А то потом скажете, это Миша Миров виноват. Я и так вечно во всём виноват. Иными словами, эту историю взрослым читать очень вредно. Говорю это со всей серьёзностью. Если вы мне не верите, чёрт с вами, читайте дальше. Но потом не говорите, что я несу ахинею. Кстати, я так до сих пор и не знаю подлинного значения этого слова. Его часто употребляет моя бабушка, Лилия Степановна (фамилии в нашей семье у всех одинаковые). Интуитивно, конечно, догадываюсь, но мы сейчас это быстро поправим. Погодите минуточку, я мухой сгоняю в интернет...

Пока загружается страница, в нескольких словах о бабушке. По правде говоря, бабушка – это только её должность, ежели говорить о настоящей бабушке (в смысле, старушке), она на неё не похожа. Скорее у мамы можно найти на голове седую волосинку, чем у Лилии Степановны. Если бы я не знал, что это моя бабушка, я бы мог подумать, что она старшая сестра моей мамы. А что вы хотели, если они с мамой даже вместе в СПА-салон ездят и к парикмахеру. Бабуля моя – добрейшей души человек, но дай ей волю, она завоспитывала бы меня до смерти. Даже папа (её сын) иногда её останавливает. Мать, говорит, хватит

из пацана монаха лепить. Лилия Степановна раньше возмущалась и кричала отцу: «Я не позволю делать из ребёнка проходимца!» Но последнее время ограничивается лишь фразой «Делайте что хотите, я больше к нему не подойду!» (это ко мне, то есть) и уходит в свою комнату или на улицу. Я, когда первый раз услышал, даже обрадовался. Наконец-то, думаю, всё кончено. Наивный я до предела. Вернувшись со двора, бабушка напрочь забыла о своём обещании и, встретив меня в прихожей, тут же врубила свой аудиоучебник «Этика поведения ребёнка». Выслушав очередную минилекцию, я удалился в полном недоумении. Не подойдёт она ко мне больше – держи карман шире. Когда я роюсь в холодильнике и у меня там что-то рушится, бабушка всегда выражается очень смешно: «Не надо там ничего падать!»

Загрузилось. Ага, вот! Даль считает, что ахинея – это вздор, чепуха, бессмыслица, нелепица, бредни, чушь, пошлости, глупости. Я так и думал. Бабуля моя – большая любительница разных полунепонятных словечек. Так вот сразу оговорюсь. Моё повествование со всеми выше приведёнными гнусными словами ничего общего не имеет. И, если вы всё же решились читать дальше, давайте сразу договоримся – без оскорблений.

Вы, конечно, спросите, а чего это он тут такого пишет? По правде говоря, ничего особенного. Хотя вру, одна особенность всё-таки присутствует, и именно она будет постоянно подталкивать взрослого читателя к тому, чтобы сорваться и начать обзывать меня нехорошими словами, ибо в моём рассказе читатель не найдёт ни лжи, ни лицемерия, которые так ласкают душу взрослым, когда они читают свои любимые романы. Давно заметил: начинаешь говорить правду без прикрас и всяких там придумок, на тебя смотрят как на дурака. Стоит только чуточку взбrehнуть, тут же затягивают слащавую песенку: ах, какой умный и рассудительный мальчик, или ещё хуже того – ах, какой у вас воспитанный ребёнок. Знали бы вы, что у этого рассудительного и воспитанного мальчика-ребёнка на уме, плевались бы сутки напролёт. Вот и попробуй, проживи среди лицемеров без вранья и фальшивых улыбочек.

Но! Здесь моя территория. Здесь никто меня не прервёт, не остановит и не схватит за руку. Никто не залезет в мою голову и не станет править мои мысли. А, как известно, что написано пером, того не вырубишь уже и топором. Перо моё, правда, трансформировалось в клавиатуру ноутбука, но суть от этого не изменилась. Может, я покажусь вам хвастуном (впрочем, мне всё равно, что вы обо мне подумаете), но знаю наперёд, что повесть эта будет уникальной. Хотите знать почему? Да потому, что я ничего не собираюсь здесь исправлять. Вот как напишу, так и отправлю в какое-нибудь издательство. И строго-настрого запрещаю делать здесь какие-нибудь поправки. Понятно, орфографические ошибки они всё же исправят. Но я бы и этого не делал. Пусть читатель видит не только мои мысли, но и допущенные мною огрехи. Тогда это будет честно на все сто.

В данный момент я лежу на больничной койке с переломанными рёбрами и вытянутой ногой. Много раз мысленно смотрел на себя со стороны. Знаете, на кого я теперь похож? На строительную лебёдку. Видели, такие устанавливают на крышах домов и с их помощью поднимают и опускают корзину с рабочими, которые ремонтируют фасады зданий? Не знаю, насколько удачно такое сравнение, но ничего другого в голову мне пока не приходит. Сказать, что мне здесь очень плохо, – значит покривить душой. Конечно, неудобств полно, не буду вдаваться в пикантные подробности, вы и сами о них догадываетесь, но, с другой стороны, есть и плюсы. Сразу скажу, еда – дело десятое, у меня в тумбочке её на сто лет. Я уже на неё смотреть не могу, даже на апельсины. А вот то, что я могу здесь читать, сколько и что захочу, и мне почти никто не мешает, – это несомненный плюс. Второй плюс – это, конечно, мой ноутбук. Если бы его не было, я бы, наверное, сбежал отсюда прямо в гипсе. Доктор предупредил, что я проваляюсь здесь до конца августа. Если бы на моём месте (не дай бог, конечно!) была Лилия Степановна, она сказала бы: вот вам, бабушка, и Юрьев день! А я

говорю: вот тебе, Миша, и летние каникулы! Чуть не забыл, есть и третий плюс – интернет. Главное, чтобы родители не забывали пополнять счёт на мобильнике.

Да, прежде чем продолжить, поясню ещё кое-что. По правде говоря, когда меня (вернее мою ногу) вздёрнули на этой проклятой виселице, я и не помышлял ни о какой книге. Первую неделю, чтобы отвлечься от боли, заглушить тоску и забыть о своём унижительном положении, я читал. Да какой там читал... Вы видели когда-нибудь, как голодная собака «кушает» украденную колбасу? Я однажды видел – собака выхватила из авоськи у зазевавшейся старушки батон колбасы, отбежала метров на сорок-пятьдесят и начала лопать. Пока бабулька бежала к воровке, чтобы вернуть хотя бы какой-то остаток, та успела покончить с добычей. Это было похоже больше на фокус, чем на трапезу. Если бы я сам не видел такого чуда, ни за что бы не поверил, что за такой крошечный промежуток времени можно проглотить целый батон колбасы. Вот и я точно так же, как та собака, глотал книги. Вы будете смеяться, но, когда у меня на тумбочке образовался книжный дефицит, я умудрился прочитать почти полностью «Опыты» Мишеля Монтеня (осталась от какого-то вылечившегося профессора). Половины, конечно, не понял, но зато вторая половина расшевелила мои мозги так, что у меня на лопатках стали появляться перья. Ха! Шучу, конечно. Это я так острою (наверное, глупо?), типа, крылья у меня стали расти.

Шутки шутками, но меня просто потрясли слова Монтеня: «Никогда не бывает, чтобы два человека одинаково судили об одной и той же вещи, и двух совершенно одинаковых мнений невозможно обнаружить не только у двух разных людей, но и у одного и того же человека в разное время». Сказал, Мишель, так сказал. Я долго думал над его словами и пришёл к выводу, что философ прав. Ещё прошлым летом я прочитал книгу Владимира Железникова «Жизнь и приключения чудака» о похождениях пионера Борьки Збандуто-Бандито-Надуvато. Прикольная книжка. Школа, учителя, ученики, забавные истории. Но всё не по мне. Всё не так. Почти не так. Хотя мне запомнилась последняя фраза «В ухабах, но жизнь всё-таки прекрасна, надо идти вперёд». Не знаю, как насчёт прекрасности, но дальше я бы пошёл с большим удовольствием. Даже не пошёл, а побежал бы вприпрыжку, несмотря на многочисленные ухабы. Но, увы, до продолжения своего пути мне осталось ещё более месяца.

Благодаря моему другу и однокласснику Юрке Лофичевскому дефицит букв был ликвидирован, и на тумбочке вырос макет многоэтажного панельного дома, сложенный из разноцветных томиков. В отличие от настоящего дома, в моём нумерация этажей начиналась сверху. Первые три этажа я преодолел очень скоро. Позвонил Юрке и сделал ему выговор, потому что, как мне показалось, он схалтурил и подсунул мне слишком старинный дом, в котором сквозил запах нафталина, а оконца были тусклыми и чересчур маленькими. Юрка хитёр – он напомнил мне о списке, который нам выдали в школе вместе с дневником, когда были выставлены оценки за год. Да, мой друг прав – с учителями не поспоришь. Список необходимо одолеть, тем более что он не такой уж и длинный. Даже не знаю, как и продолжать. Ох, и достанется же мне от учителей-литераторов. Не видать мне пятёрок по их предмету. Может, пока не поздно, остановиться? Но даже если остановлюсь, куда девать своё мнение? Знаю я вас, взрослых. Чего доброго, от вас можно и гадость услышать. Типа, засунь своё мнение... куда подальше. В общем, будь что будет. Негоже останавливаться на полпути.

Первый этаж моего книжного домика назывался «Детские годы Багрова-внука», его построил русский писатель Аксаков. Серёжа Багров – его юный герой – начал понимать, что взрослые, окружающие его люди, не всегда и не во всём ведут себя искренне. Ну а чему тут удивляться? Любой нормальный человек, взрослея, начинает соображать, что по чьём. Но уж слишком уютные отношения с окружающим миром у Серёжки. Может быть, я ещё не дорос до глубокомысленных выводов, или не очень внимательно читал, но мне кажется, что взрослые перегибают палку, когда называют мой первый этаж высочайшим художественным достижением русской литературы. Товарищи учителя! Ради бога, простите меня. Мне

ещё учиться в школе пять лет, возможно, моё мнение изменится. А пока давайте поверим Мишелю Монтеню. Впрочем, Аксаков тоже сомневался, говоря во вступлении: «Я и сам не знаю, можно ли верить всему тому, что сохранила моя память?»

Второй этаж – дело рук Льва Толстого «Детство». Его Николенька тоже мальчишка не плохой. Но, признаюсь, и на втором этаже мне было скучно. Мне показалось, что детство Николеньки, как и Серёги Багрова, всё-таки не «золотая» пора их жизни, а всего лишь слегка позолоченная.

Третий этаж в моём доме был сооружён писателем Гариным-Михайловским и назывался «Детство Тёмы». Вот здесь, на мой взгляд, строителю удалось заглянуть в душу Тёмы. Во всяком случае, на этом этаже мне было не так скучно.

Четвёртый этаж оказался куда привлекательнее, хотя и на порядок зануднее. Детства там мало, но оно и лучше. Я насытился им на первых трёх этажах. Так вот, на дверях следующего этажа висела табличка литературного строителя Набокова «Защита Лужина». Дойдя до последней ступеньки этого пролёта, я, конечно, расстроился. Однако разочарования не испытал и ринулся на пятый этаж.

Здесь архитектор Санаев приготовил мне необычный интерьер под названием «Похороните меня за плинтусом». Я бы этот этаж отдал под психиатрическую больницу. Бедный Саша Савельев. С какими дураками пришлось ему жить. Кошмар. Интересно, что бы сказали Аксаков и Толстой после прочтения этой книги?

По шестому этажу я бродил долго-долго. Исходил его вдоль и поперёк. Дойдя до последней ступеньки, я вернулся назад, снова прошёл весь путь и решил пока на седьмой этаж не соваться. Шестой этаж принадлежал Сэлинджеру и назывался «Над пропастью во ржи».

После того как я прочитал пятую и шестую книги, мысль о том, что «двух совершенно одинаковых мнений невозможно обнаружить», меня стала поедать поедом. Книги хорошие, удивительные книги, однако и в них что-то меня насторожило. Сначала я думал, что просто ещё не дорос до глубинного понимания (такую заумную фразу я не сам придумал, так говорит Оксана Петровна, моя классная – учительница литературы) подобных произведений. Перечитал снова. Нет, хоть убей, что-то не то. Неужели я такой тупой? Жутко интересно. Потрясающе. Но...

Сейчас в меня полетят камни, найдутся и те, кто обзовет меня придурком и недоучкой или демагогом-максималистом (такое уже было, и не раз), но я (только не просите никаких объяснений, я всё равно не смогу объяснить) почувствовал какую-то нарочитость в словах мальчиков, жителей этих двух освоенных мною последних этажей. Меня гложет какая-то мысль о несоответствии чего-то чему-то. Словно при изобилии праздничного стола присутствует неуместный запах заплесневелого хлеба. Я никак не мог сообразить, что же меня тревожит, что не даёт покоя. Я разрывался между содержанием книг и их вкусом. Может быть, моё сравнение покажется вам примитивным, но у меня было ощущение, что я ем какой-то пересоленный деликатес или, напротив, – недосоленный, в зависимости от чтения той или иной главы.

И вдруг, проснувшись однажды среди ночи, я понял: эти книги написаны взрослыми людьми. Да, герои их – дети: Саше Савельеву восемь лет, Холдену Колфилду – семнадцать. И вещают герои вроде бы от своего имени, как у Аксакова и Толстого. Но взрослый человек, как бы он ни пытался притвориться ребёнком или подростком, непременно рано или поздно выдаст себя, фразой ли, словом ли, описанием ли, но выдаст непременно. Это неизбежно. Это всё равно что реактивный самолёт-истребитель притворится «кукурузником» и отправится опрыскивать фермерские поля химикатами. Не поверят крестьяне, что истребитель прилетел с благими намерениями. Я прошу прощения у уважаемых авторов. Ещё раз повторю: книги замечательные, интересные, заставляющие думать, оглядываться назад

и смотреть вперёд. Но эти книги сочиняли взрослые люди. Скажите, вы сами верите всему тому, что сохранила ваша память?

Впрочем, перечитав ещё по несколько раз Санаева и Сэлинджера, я пришёл к выводу, что дело вовсе не во взрослости авторов и свойствах их памяти. Там другое время, другие люди, другие мнения, другая жизнь. Хотя, чёрт его знает, может, это только кажется. Но останавливаться уже поздно. «...надо идти вперёд».

А что у меня впереди? Первого сентября идти в седьмой класс. И, хочешь не хочешь, придётся, как обычно, писать сочинение на тему «Как я провёл лето». Но вы же понимаете, что моё сочинение будет самым коротким и печальным. Примерно таким: «В июне меня сбила машина, и я всё лето пролежал в больнице...» Представляю, как все будут меня жалеть, охать, ахать... Тьфу, какая мерзость. Лучше сдохнуть. Так вот, чтобы не терять даром время, я и решил вместо пошлого сочинения в одно предложение написать всё, что я думаю о себе и тех, с кем мне приходилось, приходится и ещё долго-долго придётся общаться в будущем. Чувствуете разницу? Учительница говорит: напишите, дети, кто как провёл лето. Я встаю, подхожу, может быть, немного прихрамывая, к учителю и – бац! – кладу на стол свою рукопись. Всё чин по чину, аккуратненько распечатано на принтере. Читайте на здоровье. Первое предложение: «Я провёл лето в размышлениях...». Классно? Вы ещё не поменяли первоначального мнения? Ну а дальше, собственно, сами размышления. И кто после этого упрекнёт меня в нечестности? Правда, не знаю, как отнесётся к такому сочинению Оксана Петровна, хотя она сама учит нас всегда говорить правду. Правды хотите, господа взрослые? Так вот вам – правда.

Глава 2

Если бы вы только знали, как меня огорчает, когда взрослые лезут ко мне со своими навязчивыми советами, тем более с теми, за которыми я не обращался. Я тут прикинул, к неполным тринадцати годам мне надавали столько советов, что я теперь спокойно могу жить хоть триста лет, даже если половину из этих советов забуду. Но больше всего меня бесит, когда ни с того ни с сего вдруг все эти бабушки, дедушки, тёти, дяди, даже сестра (мама с папой – это вообще отдельный разговор) начинают жужжать мне в уши: Миша, нужно учиться, учиться нужно хорошо, нужно читать книги, нужно делать зарядку, ну и всё такое. Умора. Можно подумать, им всем не нужно делать зарядку. Что дед, что отец, только глаза продерут, сразу за сигарету. Хорошо, у меня в спальне есть свой туалет. Однажды там что-то сломалось, и, пока ждали сантехника, я пошёл во взрослую уборную. Хоть бы противогаз там повесили, я чуть не задохнулся от дыма. И бабушка с матерью не лучше. Вместо зарядки спозаранку включают телик и в четыре глаза смотрят эту дурацкую программу – то ли «Доброе утро», то ли «С добрым утром», это не принципиально – всё одно муть несусветная.

Мужики дымят, как выхлопные трубы, а женщины пялятся в телевизор до тех пор, пока не выпьют по ведру кофе. И вот эти советчики мне твердят: Миша, делай каждый день зарядку. Да я-то и без ваших напоминаний её делаю. Бывает, конечно, иногда пропущу, но так это большая редкость. С книгами то же самое. Миша, читай книги. Конечно же, я их читаю. Мне и самому нравится читать. Вон, даже за Монтеня уже взялся. А взрослые, можно подумать, уже всё прочитали. Вот честное слово, ни разу не видел свою маму с книгой. Зато у кровати, прямо на полу с её стороны, всегда лежит гора журналов «Cosmo» и ещё каких-то, названия не помню (писал бы я дома, сходил бы в спальню посмотреть). Но опять-таки не столь это важно. Я как-то стырил один журнальчик из середины той горы, начал читать, меня чуть не вырвало. Взрослые люди, а такую дребедень пишут. «Читай, Миша, книги». С ума можно сойти!

Что там у нас ещё? Да, учёба. Вот скажите, зачем мне каждый день капать на мозги? Учусь я и так неплохо. Правда, бывают и тройки, иногда и двойки, но за год у меня всегда четыре и пять. Что ещё нужно? Так нет же, подавай им одни пятёрки. Они все почему-то хотят, чтобы я был круглым отличником. Наивные люди. Между прочим, и у папы, и у мамы в аттестате были тройки. Это мне дед по секрету рассказал. Нет, дед у меня, в общем-то, неплохой мужик, да и отец тоже. А вот с женщинами беда. Особенно с бабушкой. Наверное, ни у кого нет таких нудных бабушек, как у меня. Мало того что она всё время зудит и зудит, так ещё и постоянно натравливает на меня маму. То я ничего не ем, то я бледненький, то я у неё худенький, то грустный, то грубый, то невыносимый. А последнее слово я вообще ненавижу. Чуть что, ты, Миша, становишься невыносимым. Сколько помню себя, столько и становлюсь невыносимым. Наверное, из-за этого я и возненавидел это слово. «Невыносимый» – какая гадость.

А ещё бабушка всё время норовит затащить меня в церковь. Вот глупая! Как будто я там не был. Мы с Юркой оттуда однажды даже две свечи утащили. Это было года два назад. Потом вечером у него на даче мы зажгли эти свечи и пили колу с чипсами. Сейчас я, правда, такое дерьмо не ем и не пью. Однажды ночью мне вызывали неотложку и делали клизму. Так было больно и противно, словами не передашь. Колики, что ли, там какие-то внутри меня образовались. В общем, врачиха сказала, что всё это от чипсов и «Кока-колы». Я ей поверил, потому что она была такая добрая и ласковая. Но даже не из-за этого. Просто, когда она уехала, мне сразу полегчало и стало так хорошо, что я тут же уснул. И так крепко спал, что едва не проспал школу. После этого я перешёл на кефир и квас. А вместо чипсов ем печенье или хлебцы. Хлебцы – хорошая штука. Мама их вообще ест вместо хлеба.

Мама у меня хоть и странная, но очень красивая и стройная, добрая и ласковая. Мне такие женщины нравятся. Уверен, что мамы ни у кого такой нет. Только, наверное, моя мама может позвонить мне на мобильник, полчаса воспитывать, читать мораль, давать наставления, спрашивать о моём здоровье, а потом вдруг сказать: «Так, всё! Хватит болтать, не отвлекай меня...» и отключить телефон. Папа, кстати, тоже не раз сталкивался с такими же замечаниями. С этой мобильной связью постоянно случаются какие-то недоразумения. Однажды мы с Лилькой поехали в торговый центр «Город», что в начале Рязанки. Громадный такой магазин, ничего не скажешь. Так вот, ходим-бродим мы с сестрой. Там много интересного. Лилька делала маникюр, прямо в холле. Я разглядывал китайские машины, выставленные там же. Вдруг звонок. На дисплее «Мама».

– Да, – говорю.

– Ты с Лилей?

– Да.

– Вы где? – спрашивает мама.

– В «Городе», – отвечаю.

– Когда ты научишься нормально отвечать на вопросы? – возмутилась мама. – Понятно, что не в деревне. Что за ответ. Можешь сказать, где конкретно, раз я спрашиваю?

– Мамулечка, – говорю я, а сам еле сдерживаю смех (не хочется маму обидеть). – Я конкретно отвечаю: мы с Лилей находимся в торговом центре «Город».

Мама не сразу ответила, видимо, всё-таки смутилась, что зря на меня наехала.

– Понятно, – сказала и отключила телефон.

Вот так всегда со взрослыми. Не любят они своих ошибок признавать. Ох, как не любят. Но всё равно наша мама лучше всех. Вы даже не представляете, как я ею горжусь, когда она приходит в школу. Это не просто женщина, это летящая птица. Всегда безукоризненный макияж, умопомрачительный маникюр (белые или розовые ноготочки с волнистыми золотистыми полосками), если платье – это цветок, если джинсы – это изящество и грациозность, если юбка (длинных она не носит) – старшеклассники отворачиваются от своих подружек и смотрят на мою маму – сравнивают. Вот такая у меня Мирова Анна Михайловна. Но вы не думайте, что всё так гладко и безоблачно. Ругаться она тоже умеет. Да так, что о её пожеланиях не в каждом сочинении напишешь. Во всяком случае, здесь я ничего приводить не буду.

Но вот что я заметил, все люди ругаются по разному. Есть такие, кто вроде бы и слова правильные произносит (которые не встревожат вас в любом рассказе) и тон не повышает, и зубами не щёлкает, однако всё тело покрывается гусиной кожей, словно тебя окатили ледяной водой. А когда ругается моя мама, мне кажется, что всё это понарошку. Она, даже если я улыбаюсь, обижается, прекращает «разборки» и уходит. И, чтобы не обидеть её и не прервать на полуслове, я хмурюсь и делаю виноватый вид. Понимаете, в чём дело: ей необходимо высказаться (выкричаться, выругаться) до конца, полностью, после чего она становится мягкой и совершенно спокойной. Через пять минут вы никогда в жизни не догадаетесь, если сами не слышали, что мама только что ругалась. Я заметил, что эти её вспышки мне даже на пользу, потому что после них мама целый день со мной ласковая и нежная. Не знаю, может быть, конечно, я сам веду себя несколько иначе, но в любом случае на душе становится покойнее.

А какой у неё рацион! С ума можно сойти. Мясо она не ест. Хлеб не ест. Не курит. Не пьёт – ни вино, ни водку, ни пиво, и даже к шампанскому не прикасается. И папе не разрешает. Скорее всего, берёт пример с бабушки. Но папу и дедушку этими запретами сильно не проймёшь. Чтобы постоянно за ними следить, кто-то из женщин должен быть всегда дома. Если женщины уезжают куда-нибудь вместе (что случается не редко), то на кухне тут же появляется и пиво, и кое-что покрепче. Сидят мужики хорошо. Но особенно хорошо мне

в такие вечера. Никто мне ничего не советует, никто на меня не наезжает. Я даже иногда думаю, лучше бы они каждый вечер выпивали. Но только без женщин.

Когда возвращаются мама и бабушка, я ухожу в свою спальню и больше оттуда не выхожу. Я говорил вам, что у меня в спальне свой туалет? Так вот, мне и выходить никуда не нужно. Делаю вид, что сплю. А выйдешь, можешь попасть, как выражается мама, под горячую руку. А зачем мне это нужно? Пусть там сами разбираются. Хотя они никогда долго не ругаются. Папа терпит обычно минут пять, может, десять от силы, потом как бабахнет по столу кулаком, как рывкнет «Хорош!», и все успокаиваются. После этого волшебного слова ни мама, ни бабушка больше о вреде алкоголя не упоминают. Всё! Лекция окончена. В этот вечер, конечно. Бывает, с утра ещё немного погрызут, но утром папа никогда кулаками не машет. Только хмурится. А дед на следующий день вообще до обеда из своей комнаты не выходит. Если подойти к его двери поближе, почувствуешь запах валокордина. Есть такое препротивное лекарство. Меня от одного запаха воротит.

Я думаю, для начала необходимо рассказать, где мы живём. В Подмоскowie, в частном доме. Два этажа. На первом – прихожая. Здесь шкаф, вешалка, тумбочка под обувь, диван. Удобная такая прихожая. Её ещё можно назвать кошачьей спальней, потому что здесь на диване спят наши кот и кошка. Кота зовут Макар, а кошку – Маша. Оба приبلудились и как-то прижились. Хорошие такие котики, ласковые. Первым приبلудился Макар, а Маша – на год позже, но, что удивительно, сразу, с первого дня, она стала командовать Макаром. А он, лопух, ей во всём подчиняется. Представьте такую картину: у них две миски, ну и кушайте каждый со своей. Так нет же! Маша пока не поест, Макару нельзя подходить к своей миске. Он как-то нарушил запрет, Машка так звезданула его по уху, что у Макара навсегда пропала охота кушать рядом со своей сожительницей. Не кот, а какой-то лошарик – всегда сидит в стороне и ждёт, когда женщина насытится. Вот такое неравноправие.

Далее на первом этаже у нас кухня-столовая. Это одно большое помещение, но разделённое как бы на два участка. На одном готовят, на другом едят. Вторая дверь из прихожей ведёт в такой небольшой коридорчик, а там ещё три двери – в ванную, на лестницу второго этажа и в кабинет отца. Кабинет у отца огромный, квадратных, наверное, сорок. Мне нравится это помещение. Два стола, на каждом по компьютеру – один папин, другой мамин. Два кожаных диванчика, шкаф с подарками и сувенирами (чего там только нет!), стеклянный журнальный столик, два кабинетных кресла и несколько стульев. Мне теперь кажется (после Набокова), что у каждой вещи есть своя душа. Если войти в кабинет ночью и не включать лампу, то можно заметить над всеми предметами какое-то мягкое, едва заметное свечение. И у всех есть свой особый запах. К папиному столу прикасаться строго-настрого запрещено. Когда отец сдаётся и соглашается, чтобы мама навела у него на столе порядок, то хозяин стола стоит непременно рядом и наблюдает, чтобы ничего со стола не исчезло, а каждая бумажечка и каждый листок легли строго на определённое место. Иными словами, папин кабинетный стол – это самая неприкосновенная вещь в нашем доме.

Дальше, вдоль стены тянутся длинные полки с книгами, которых здесь – уйма, почти как в нашей школьной библиотеке. Каких только нет. Даже Ленин со Сталиным. Папина гордость – двести томов какой-то древней библиотеки. Впрочем, у неё есть название – «Библиотека всемирной литературы». Отец говорит, что издавалась она ещё во времена СССР и была страшным дефицитом. Сдохнуть можно. Их послушаешь, так у них всё было дефицитом. Даже книги. А бабушка рассказывает, что у них и хлеб какое-то время был дефицитом, и что из-за отсутствия хлеба какого-то советского президента сняли с работы. Непонятно, чем они в те времена занимались, если даже хлеба людям не хватало. Нет, я понимаю, когда была война. Там всё может быть, но бабуля говорит, что дефицит хлеба случился лет через двадцать после войны.

Да, кстати, пока не забыл, мой дед родился в День Победы – аккурат 9 мая 1945 года. И его тоже зовут Михаилом. А вы думали, случайно, что ли, меня называли Мишей? Как бы не так. Мы с дедом оба Михайлы Александровичи. Честно сказать, я сначала ненавидел своё имя. Даже мечтал сменить его, когда вырасту. А всё из-за одной придурковатой одноклассницы – Оли Моисеевой (мы её дразнили Моськой). Так вот, она постоянно называла меня медведем. Я злился и всё время хотел её побить. Она мне говорит: «Медведь!», я ей отвечаю: «Заткнись, Моська!». А ей хоть бы хны – хохочет и продолжает меня обзывать. Таких дур поискать ещё нужно, я вам честно говорю. Хотя, вру. Да, вы знаете, я страшный лгун. Я постоянно что-то вру. Нет, не нарочно, а так почему-то получается. Вот, например, прихожу со школы домой. Отец спрашивает: «Как дела?». Я отвечаю: «Да всё хорошо!». А у самого в дневнике запись от классной «Мешал на уроке». Лягну и думаю: что это я сразу правды-то не сказал, а вдруг отец сейчас проверит дневник? И вы знаете, что самое обидное? Не поверите. Когда я говорю правду, что всё у меня хорошо, отец никогда не требует показать дневник. Как только хотя бы чуточку совру, тут же говорит, а покажи дневник. Вот, скажите, почему так бывает? Совпадение или он чувствует, что я вру? Вы как считаете? Телепат он, что ли? Ой, беда. Беда с этими взрослыми. Странные люди. Иногда из-за какой-нибудь мелочи как разведут антимионию (снова бабушкино словечко), помереть хочется, а другой раз просто скажут, мол, не делай больше так. И главное, наперёд никогда не узнаешь – будет эта самая антимиония или просто «больше так не делай».

Минуточку, сгоняю в интернет. Вот, нашёл – мнение Ушакова: «разводить антимионию – заниматься пустой болтовнёй». Точно. Лилия Степановна, бабулечка моя, и где ты такие словечки выкапываешь?

Да, на чём мы остановились? Моська. Тут я тоже, конечно, привираю. Никакая она не придурковатая, наоборот, очень умная девчонка, учится почти на одни пятёрки. Только вот с историей у неё почему-то постоянный напряг. Никак даты не научится запоминать. А так она мне даже нравится, симпатичная. Не самая красивая в классе, но симпатичная, точно говорю. Самая красивая у нас Наташка Бродская. Но она дружит с Максимом рыжим. Вот этот уж точно придурок. Как она может с ним дружить, ума не приложу? Но вот дружит и всё. Я, конечно, тоже с ней подружился бы, но она бежит за этим идиотом, который из троек не выкидает. Я заметил, девчонкам вообще наплевать на оценки их дружков. Вот и пойми после этого мою бабушку, которая постоянно твердит, что если я буду плохо учиться, то и жена у меня будет дурой, и что я вообще себе всю жизнь испорчу. Мне кажется, что бабуля моя уже из ума выживает. Ну почему это у меня жена будет дурой, если я сам её буду выбирать? Кто мне объяснит? Захочу, выберу умную, не захочу – пусть будет дурой. Но это же зависит только от меня самого? Правильно? Или я чего-то не понимаю?

А вам не кажется, что мы отвлеклись? Я же не до конца рассказал о нашем доме. С первым этажом мы разобрались. Хотя я не рассказал, что в кабинете у отца (кстати, несмотря на то что там и мамин стол, и её компьютер, и её ящики разные, все называют это помещение кабинетом отца) на верхней полке стоят фарфоровые статуэтки. Прикольные такие. Сейчас, наверное, их не делают. Все они из СССР. Вот и пойми моего папу, он вроде как против СССР выступает, а сам всё это хранит. Значит, скучает? А ещё на деда наговаривает. Очень красивые статуэточки – два гуся (как я понимаю: один серый, другой белый), пограничник с собакой, моряк-офицер с девочкой, Пушкин за журнальным столиком, птички, клоуны, пудель, балерина и ещё много-много разных фигурок. Наверняка у каждого из вас дома есть такие безделушки. Но в папином кабинете (вот и я туда же) их просто много. Можно сказать, целая коллекция.

Второй этаж. О нём и рассказывать-то нечего. Холл и четыре спальни – родителей, стариков, моя и старшей сестры. Но сестра сейчас с нами не живёт. Вышла недавно замуж и уехала жить к своему мужу. Вернее, замуж она не вышла, а просто уехала к своему мужу.

А дед говорит, что он никакой ей не муж, а сожитель. Помните, я вам о Машке с Макаром рассказывал, так вот я откуда взял это словечко. Моя сестра Лилия и её молодой человек (Лилька так его называет) – не муж и жена, а сожители. Вот так. Я вам потом о них расскажу. Это те ещё кадры. Лучше продолжу о своём имени, которое я раньше ненавидел. Постепенно я узнал, что среди знаменитых людей было очень много Михайлов. Это и маршал Кутузов, и юморист Жванецкий, и Михаил Горбачёв, и даже Майкл Джексон – это тоже Михаил. Жаль, что он так рано умер. Мне нравились его песни и клипы. В общем, имя моё мне теперь нравится. Да и привыкли все к нему. Как же я его сменю? Вот вырасту, встречу кого-нибудь из одноклассников, а он мне скажет: «Привет, Михаил!» А я что в ответ? Извини, я не Михаил, я теперь Альберт (да-да, это имя мне нравилось в первом классе). Ерунда какая-то. Какой к чёрту из меня Альберт? Смотрю в зеркало и вижу – Миша. Михаил. Нет, не нужен мне никакой Альберт. Да и не похож я на Альберта. Теперь я уже это точно знаю.

Кроме дома у нас ещё есть крошечная квартирка в Москве на Патриарших прудах. Читали «Мастера и Маргариту»? Так вот это там. Только мы Патриаршие пруды называем Патриками. Квартира, что в Большом Патриаршем переулке, принадлежит бабушке и дедушке, но живу в ней я. С сентября по май включительно. Не один, конечно, с кем-то из взрослых – но чаще всего это Лилия Степановна. Всё дело в том, что школа, в которой я учусь (№ 1239), находится на Вспольном переулке, а это в пяти минутах ходьбы от квартиры. Так что в учебное время с понедельника по пятницу я живу в этом пенале, а выходные и каникулы – в загородном доме. Я бы мог учиться и в Подмоскowie, но очень люблю свою школу и не хочу расставаться с одноклассниками. Школа у нас классная. Удивительная школа. С углублённым изучением английского языка. Кстати, это мой любимый предмет, как и у героя сэлинджеровского романа Холдена Колфилда, с той только разницей, что для него английский был родным, а для меня это иностранный язык. Хотя русский язык я тоже очень люблю, но вот почему-то никак не могу подняться выше четвёрки. Вам не кажется странным, когда русский ученик по английскому учится на пять, а по русскому на четыре? В чём тут дело? Меня лично этот вопрос постоянно мучает.

Если вам интересно, вкратце расскажу историю Патриарших (Большого и Малого) переулков. Ещё в конце XVI века здесь находилась Козья слобода, которая была пожалована патриарху. После чего она получила новое название – Патриаршая Козья слобода (ну и название!). Переулок наш раньше назывался Алмазниковым – по двору крестьянина Офонки Алмазника. Офонку постепенно забыли, и в конце концов в Москве появились Патриаршие переулки. Раньше здесь было болото. Патриархи осушили его и выкопали пруды для разведения рыбы. Один каким-то чудом сохранился и до наших дней. Красиво здесь! Особенно по вечерам. А зимой пруд превращается в великолепный каток. Приезжайте покататься, не пожалеете. И это ещё не всё. В 1924-м году пруд был переименован в Пионерский, как и наши переулки – в Большой и Малый Пионерские. Но и это не всё. В то время как Малый оставался ещё Пионерским, наш переулок вдруг в 1964-м году превратился в улицу. Кто помнит, улица называлась Адама Мицкевича. Был такой польский поэт в XIX веке. Вы спросите, а с чего это вдруг в его честь назвали улицу? Я и сам не пойму, делать им было нечего, что ли, но, как говорит, дед переименовали переулок в улицу Мицкевича из-за того, что здесь находилось посольство Польши. Но, слава богу, всё вернулось на свои места, и, надеюсь, что уже никому не взбредёт в голову снова переименовывать и без того наш многоимённый переулок, например, снова в Алмазников. Хотя, как я понял, от наших властей можно ожидать чего угодно. Вы слышали уже, Ленинградский вокзал переименовали в Николаевский? Во как! Интересно, будут ли новые названия у Ярославского и Казанского вокзалов? Пока тут проваляешься в больнице, и Курский превратится в какой-нибудь Александровский или Ивановский. А что, царей-то немало было на Руси. На все вокзалы имён хватит.

Глава 3

Вы, наверное, хотите узнать, как же это я угодил под машину? Не торопитесь, всему своё время. Забегая вперёд, скажу, что водитель был не виноват. Но всё же давайте по порядку. Окончив шестой класс, я собирался в начале июля ехать в лагерь. Вернее, мои родители собирались меня туда отправить. Я каждый год летом куда-то езжу. То в Сочи, то в Болгарию, то здесь прозябаю, в Подмоскovie где-нибудь. В этом году должен был поехать в Адыгею, в горы. Говорят, там красиво и воздух очень полезный. Ну, воздух меня мало интересует, а вот горы я люблю. Новогодние каникулы мы с родителями проводим частенько в Альпах или на Домбае. У нас в семье все заядлые горнолыжники, кроме, конечно, бабушки и дедушки. Хотя дед говорит, что не прочь бы с нами покататься, но мама с папой его с собой почему-то никогда не берут. И не из-за того, что не хотят. Как только дело доходит до покупки путёвки, дед передумывает. Мне кажется, он боится ехать в горы, хотя весь год хорохорится и готовится к поездке. Впрочем, готовится на словах. У него нет ни ботинок, ни лыж, ни костюма, а покупать их он и не думает. Тоже мне, лыжник нашёлся. Иногда мне кажется: дед такой же врун, как и я. Или просто любит поприкалываться. Я же говорил вам, что дед у меня мировой мужик. Знаете, как он говорит, когда выпьет? Вы будете сейчас смеяться. Говорит, любите своих внуков, они отомстят вашим детям. Дед с бабкой – это родители моего папы. Бабушка говорит, нервов им мой папа помотал будь здоров. Вот видите. А теперь такой правильный весь, учись, говорит, сынок, на одни пятёрки. А сам-то чего? Трояков нахватался, а теперь пятёрки ему подавай. Да к тому же ещё курит и выпивает. Хотя зря я это говорю. Мне же это не мешает. А отец желает мне добра. Отец у меня хороший. Да что там говорить, все они хорошие. Только вот бесят меня иногда.

Словом, всё началось с того, что на нашей улице одно за другим случились сразу два трагических происшествия. Погиб котёнок – его сбил мотоциклист. Соседка Люба, моя ровесница, конопатая и какая-то слишком уж длиннорукая девчонка, плакала так, словно этот котёнок был её близким родственником. Оно понятно – жалко зверушку, но нельзя же так убиваться. Хотя мне было жалко и котёнка, и Любку. Она девчонка хорошая, хотя и большая хвастунья. Девчонки, вообще, почти все хвастуны. Но эта – особенная. Всё у неё лучшее. Даже котёнок был какой-то супер-пуперской ультра-сверхпороды. Его им, с её слов, конечно, чуть ли не из Австралии привезли. Ещё бы придумала, из Антарктиды. Каких-то кошачьих королевских кровей. Видел я его несколько раз и даже на руках держал. Кот как кот, ничего сверхъестественного. Может, нос слегка приплюснутый и уши словно отмороженные. Пока был жив, морда у него была отвратительной. Такая наглая и самодовольная, если хотите, даже надменная. Вот написал я эту муть и подумал: а чем наши Макар с Машкой отличаются? Ведь если приглядеться, у всех котов морды наглые и надменные. Их гладишь, а они так смотрят, словно говорят: гладь, гладь, балбес, ты обязан меня гладить. Я терпеть не могу, когда прихожу на кухню поесть, а кто-то из этих наглецов валяется на моём стуле. У нас у каждого в семье есть свой стул и место за столом. Так вот, я всегда начинаю вежливо. Говорю: Макар (или Маша), освободите, стул, пожалуйста. И что вы думаете? Посмотрят на меня пренебрежительно, и дальше спят. Я аккуратно так наклоняю стул, даю понять, мол, вставай, дружок, хозяин стула пришёл. И когда стул уже наклоняется так, что вот-вот эти хамы могут свалиться на пол, они начинают когтями хвататься за обшивку сиденья. Вот тут я не выдерживаю и щёлкаю проходимцев по ушам. Не подумайте, что слишком больно. Так, символически. Машка, видимо, умнее – после щелчка сразу спрыгивает и прячется под столом. А вот Макар – это наглец ещё тот. Однажды я был не в настроении, так он довёл меня до того, что я взял и перевернул стул вверх ногами. Конечно, кот свалился со стула, но даже

не подумал никуда убегать и прятаться. Сел тут же рядом со столом и так смотрит на меня, словно я ему батон докторской колбасы должен и не отдаю.

Любкиного кота звали Ирис. Это ж надо было такое имя придумать. Дурёха. Я сначала думал, что она так сильно любит конфеты, что назвала своего кошачьего лорда конфетным именем. А оказалось, что есть такой цветок. Бабушка называет его петушком, в смысле цветок ирис так называет. Ну и что? Пусть даже и цветок. Всё равно, кто котов называет цветами? Коты – они же испокон веков Барсики, Васьки, Мурки всякие, ну на крайний случай можно назвать Пушок. А тут Ирис. Ну да ладно. В общем, когда Ирис погиб (мы его с Любкой сами хоронили в лесу), то лицо у него было грустным и добрым. Всю спесь как рукой сняло. Так всегда, у мёртвых животных морды становятся добрыми. Это я вам точно говорю. Потому что буквально на следующий день грузовик сбил соседскую собаку. Тоже штучка была не из приятных – стаффордширский терьер. Это не собака, а крокодил. Он даже воронам покоя не давал. Ему всё равно на кого нападать, никого не пожалеет: ни котёнка, ни щенка. Как увидит другое животное, глаза наливаются кровью, рвётся с поводка. Скулит – мол, дайте я его разорву в клочья. Ужасная собака. Хотя, справедливости ради нужно сказать: людей он не обижал. Но всё равно страшно было его видеть на улице. Так вот, этот самый боец (по кличке Тайсон) каким-то образом перехитрил хозяев и без поводка выскочил на улицу. А мозгов-то нет. И прямёхонько под грузовик. И что обидно, животные-то и не виноваты. Просто эти все идиоты – мотоциклисты, скутеристы, автомобилисты, носятся по нашей улице как угорелые. И куда только ГАИ смотрит? Наш посёлок называется «Черешневые сады», это тридцать километров от Москвы. Ну и что, что здесь дачи и частные дома. Знаки-то всё равно нужно ставить, чтобы водители ездили помедленнее. Хотя кто на эти знаки смотрит? Я даже с мамой еду, знак «сорок», а она едет шестьдесят.

– Мам, – говорю, – знак-то «сорок»...

– Сиди, не умничай, – отвечает.

Вот так. А я и не умничаю. Просто подсказываю. Знаки для чего-то же ставят. Я вот, когда вырасту, не буду правила дорожного движения нарушать. Потому что дед говорит, что за каждым дорожным знаком – чья-то жизнь. Как раз после похорон Ириса и Тайсона ко мне приехал друг Юрка Лофичевский. Я вам уже говорил, это мой одноклассник. Мы дружим с ним с первого класса. Он небольшого роста, но парень отважный. Однажды (это было ещё в третьем классе), когда старшеклассники хотели отобрать у меня пятьдесят рублей, Юрка не испугался, а стал рядом со мной и готов был драться. Старшеклассники, несмотря на то что остались без добычи, отступили, а один даже на прощание похвалил Юрку за то, что он не бросил меня в беде. Он похлопал его по плечу и сказал, что они просто пошутили. Ничего себе шуточки. Соврали они, я уверен. Был бы я один, точно бы отобрали полтинник. Школа у нас хорошая, но и там есть уроды.

Рассказал я Юрке о печальных событиях последних дней на нашей улице. Юрка выразил Любе соболезнование и пообещал достать ей котёнка. Но о другом звере она и слышать не хотела. И вот тут у меня родилась идея.

– Юрец, – говорю, – а давай к гаишникам подойдём и попросим их, чтобы они на въезде в наш посёлок знак поставили. Есть такой знак «Осторожно – домашние животные!».

Юрке моя идея приглянулась, и он сразу же согласился. Два вечера мы сидели у дороги, всё ждали, когда машина ГАИ будет дежурить у переезда. Здесь недалеко от въезда в наш посёлок часто по вечерам дежурят гаишники. Вы же знаете, когда не нужно, они могут хоть сутками стоять, а когда вдруг понадобятся, днём с огнём их не сыщешь. Что за чертовщина. Бабушкины выражения так и прилипают к моему языку. Пока не писал эту галиматью, как-то и не задумывался. И вот опять. Да что ж это такое!

Секунду! Я в интернете. Вот что говорит Ушаков: «днём с огнём не найдёшь – о ком или о чём-нибудь выдающемся, чрезвычайно редком. Такого ещё человека днём с огнём не найдёшь. Ну да, всё правильно. Попробуй найди этих гаишников, когда они тебе понадобятся.

А Даль поясняет: «галиматья – это бестолковщина, чепуха, вздор, бессмыслица».

Нет, тут что-то я загнул. Я же пишу сочинение. Нет-нет, это не галиматья. Извиняюсь. Но исправлять уже не стану. Слово не воробей, вылетел – не поймаешь. Просто нужно более тщательно слова подбирать. А то сам предупреждал, чтобы не называли моё повествование ахинеей, и тут же сам себе на голову высыпал кучу грязных опилок. Эх, молодо-зелено. Баба Лиля в таких случаях говорит: попал впросак. Опять лезть в этот чёртов интернет? Может, пропустим? Нет, взгляну.

Посмотрим, что тут у Ушакова? «Попасть впросак – по своей оплошности оказаться в неприятном, неловком, невыгодном положении». Всё верно. Вот это я вляпался! Ладно, пошли дальше. Дед мой говорит, не ошибается тот, кто ничего не делает. Тоже правильно – если бы я не стал писать это сочинение, разве попал бы я в неловкое положение? Конечно нет. Да вы вообще бы не знали ни меня, ни того, что случилось со мной этим летом.

В конце концов мы всё-таки повстречались с милиционерами. Объясняем, мол, так и так, нужно нам на въезде в посёлок знак поставить, так как уже и Ирис, и Тайсон погибли, и неизвестно, сколько ещё погибнет других братьев наших меньших. Один, который помоложе, с тонким орлиным носом, внимательно выслушал нас и давай гоготать. Кто его, дурака, в милицию взял работать? Может, телевизора обсмотрелся. Я заметил, кто много телевизор смотрит, у того с головой становится не всё в порядке. Нет, вы сами подумайте, мы ему рассказываем о похоронах (пусть даже кошки с собакой), а он гогочет, словно «Нашу Рашу» смотрит. Я подождал, когда он нагогочется, и спрашиваю:

– Ну так что? Поможете решить вопрос?

А он смотрит на нас с Юркой как на клоунов в цирке и улыбается.

– Да у меня, – говорит, – у самого кот под машину попал.

– Ну вот, – продолжаю я, – видите. Значит, и там, где вы живёте, тоже нужно такой знак поставить.

Милиционер смахнул с лица улыбку и посмотрел на меня так, как Макар смотрит на меня, когда я его со стула сгоняю, и говорит:

– Ты хоть представляешь, сколько таких знаков нужно наставить по всему Подмосквью? Да и нет таких знаков.

– Ну как же нет? – возразил я. – Как же нет? Я сам в книжке с Правилами видел. «Домашние животные» называется или что-то вроде того.

– Это совсем другой знак. Ты видел, что там нарисовано?

– Конечно, видел, – киваю. – Корова.

– Ну а у вас кошки и собаки. На таких животных знаки не ставят.

– А если мы к вашему начальству пойдём, они помогут? – спрашиваю.

Тут вмешался второй милиционер, постарше. У этого лицо вообще какое-то каменное. Ему бы в «Терминаторе» вместо Шварценеггера сниматься, а не палкой полосатой махать. Палка в его руке выглядела обыкновенным фломастером. Ручищи громадные, пальцы толстые и короткие, с густыми чёрными волосами между суставами. Ногти, как у моего деда, жёлтые от сигарет и с заусенцами.

– Слышь, парень, – говорит Терминатор, – шёл бы ты домой. Не морочь нам голову, не мешай работать.

Мне так обидно стало, аж в ушах зазвенело. Так захотелось ему сказать какую-нибудь гадость. Но нельзя же. Проблем потом не оберёшься.

– Чем мы вам помешали? – спрашиваю. – Мы же...

– Всё, – перебил старший, – двигайте отсюда, пока люлей не выловили.

Мы ушли. А вы бы что сделали? Да и вид у второго был такой грозный, что лучше не рисковать. Подумаешь, не мешай нам работать. Тоже мне работники. Разговаривают, а сами всё в салон своей машины косятся. Я заметил: там у них телевизор такой маленький. Просто мы помешали им смотреть телик, это же понятно. Ну да ладно. Пусть работают. Придумаем что-нибудь и без них.

– Подумают, наверное, что мы трусили, – отойдя поодаль, сказал Юрка.

– Пусть думают, – говорю я. – Тебе-то какое дело. Зачем их злить? Огреет палкой по башке, и будешь потом с шишкой ходить, как дурак.

– Да, – выпятив губу, закивал Юрка, – их злить нельзя. По телевизору недавно показывали, как одного милиционера разозлили. Так он достал пистолет и давай во всех подряд стрелять. Смотрел?

– Смотрел, – говорю. – Потому пусть лучше думают, что мы испугались.

– Угу, – согласился Юрка. – Живее будем.

Я рассмеялся. Юрка посмотрел на меня с изумлением:

– Ты чего? Чего хохочешь?

– Да вспомнил кое-что, – отвечаю.

– Скажи, – потребовал Юрка.

– Да ладно, – махнул я рукой.

– Нет, ты скажи, – остановился Юрка. – Может, надо мной смеёшься?

– Да не над тобой, успокойся. Пойдём, что ты стал посреди дороги.

Но Юрка, он такой, как говорит бабушка, твердолобый.

– Пока не скажешь, – заявляет, – чего хохотал, никуда не пойду.

– Ладно, – сдался я (а то ведь и правда будет до вечера тут стоять), – просто ты сказал «живее будем», а я вспомнил, отец с дедом спорили, как обычно, про СССР и Россию.

– И чего?

– Отец говорит деду, что, мол, Ленина давно нужно похоронить, как обычных людей, то есть закопать в землю. Дед как заорёт на отца: «Ленина не трогай! Вам бы всех в землю закопать! Ленин до сих пор живее всех живых! Вы со своими вожжами разбирайтесь, а наших – не трогайте...»

– И что отец? – спросил Юрка.

– А что отец, – говорю. – Рассмеялся, обнял деда и говорит: «Хорошо-хорошо, папа, извини...» А тут ты с этим выражением. Вот мне и стало смешно.

– И часто они... того... ругаются? – словно и не услышав моего ответа, спросил Юрка.

– Да, в общем-то, они и не ругаются, – говорю я. – Это у них называется... э-э... политические... Да ну его к чёрту, – махнул я рукой, – забыл, как слово называется. Юрец, отстань ты со своими вопросами, у меня уже голова опухла...

Глава 4

На следующий день мы с Юркой отправились в ГАИ. Я как-то там был разок, с отцом ставили машину на учёт. Решили ехать на попутках. Вышли на дорогу, и давай большими пальцами в небо тыкать – миллион раз видел в кино, как люди передвигаются автостопом. Машин сто, наверное, мимо проехало, никто в нашу сторону даже не посмотрел. Сволочи. Все куда-то торопятся. Я понимаю, взрослых боятся брать, но видят же, что мы ещё мелкие. Хотя по мне и не скажешь, что я такой уж мелкий. Во всяком случае, с мамой уже почти одного роста, а сестру и вовсе перегнал. Но мир не без добрых людей – подобрал нас КАМАЗ. Водитель оказался армянином. Я сразу вычислил его по акценту. У нас в классе есть Ашот Карапетян. Так вот он точно так же разговаривает. Я спросил у водителя:

– Вы из Армении?

У мужика чуть глаз не выпал. Он какое-то время даже на дорогу не смотрел, уставившись на меня.

– А с чиво ты взял? – спрашивает.

Я не стал ничего придумывать, сказал как есть. Он так обрадовался.

– Самвел, – протянул он мне руку. Так мы познакомились. Мы рассказали ему о своей проблеме. Он рассмеялся и говорит:

– Пацаны, зря толко время патеряете, это я вам гаварю. Никто ничего нэ будет ставить. Щтобы поставить знак, нужно столко инстанций прайти, столко бумаг па-адписать. Э, ара, кто там будэт слюшать про ваших катов и сабак. Вы што? Вэрите в успэх этот дэла?

– Верим, – отвечаю. – Везде есть люди, которые любят животных.

– Э-э! Ара, слюшай, што я тэбе гаварю. Ани людей-то не всегда любэят. А ты хочещь штоби кот твой любили. Малядой ты ещё, глюпый.

– Но вы нас доведёте до ГАИ? – спрашиваю. Если бы знал этот умник, как я ненавижу слово «глупый». Если ты такой умный, то почему на КАМАЗе едешь, а не в министерстве сидишь? Или не директорствуешь на «АвтоВАЗе», например? Тоже мне, интеллектуал нашёлся.

– Канешна-канешна, просто жалко, што вы толко время патеряете.

– Ничего страшного, – отвечаю. – У нас сейчас каникулы. Времени навалом.

– Карашо, уважаемый, карашо, – сказал водитель немного погодя и добавил: – Карошие вы ребята. Малатси.

Такой же хитрый, как наш Ашот. Тот вечно сначала критикует-критикует, потом начинает хвалить. Не поймёшь, то ли обижаться, то ли благодарить. Через полчаса мы вошли в здание ГАИ. Народу – тьма и очень душно, словно в бане. Денег, что ли на кондиционер нет в этом ГАИ? На телевизор в служебной машине нашли, а на кондёр в офис денег не хватило. Мы без труда разыскали дежурного и объяснили ему, что хотели бы видеть главного начальника.

– Зачем он вам нужен? – спрашивает дежурный, молодой с белёсыми усами и слегка оттопыренными ушами. Наверное, в школе его тоже дразнили «ухом», как нашего Степку Мандрыкина. Правда, после пятого класса родители ему сделали операцию. Мы все обалдели, когда он заявился в шестой класс с нормальными ушами. Но кличка «Ухо» (иногда «Ухи») так и осталась. Кличка, наверное, это навсегда. Ко мне как прилипло в первом классе «Мирный», так я по сей день «Мирным» и хожу. Не злой дядька этот гаишник, глаза добрые и лучистые. Чем-то он мне главного депутата напомнил, Грызлов, по-моему, фамилия. Не дежурного фамилия – главного депутата. Говорят, депутат тот когда-то главным милиционером был. Значит, и в милиции есть добрые люди.

– По очень важному делу, – отвечаю я и тут же добавляю: – и по срочному. – Мы с Юркой решили карты не открывать, пока не встретимся с самым главным начальником.

Дежурный улыбнулся и пообещал, что сейчас доложит начальнику. Не обманул. Всегда так бывает, человек с добрыми глазами редко обманывает. Через полчаса нас завели в кабинет к начальнику. Даже если бы мы не знали, что это кабинет начальника, догадаться было не трудно. Хотя бы по тому, что здесь было прохладно – работал кондиционер. Я от жары летом всегда спасаюсь в папином кабинете. Хозяином гаишного кабинета был грузный мужчина на вид чуть старше моего отца, но совершенно седой. Глаза у него были печальные и сонные. Слушая наш сбивчивый рассказ, ему, как мне показалось, хотелось зевнуть, но он сдерживал своё желание, время от времени прикрывая сухие губы ладонью. Выслушав нас, начальник долго молчал, барабанил по крышке стола кончиками пальцев. Потом вышел из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Прошло, наверное, сто часов, пока он заговорил:

– Значит, говорите, гибнут кошечки, собачки?

– Гибнут! – ответили мы с Юркой хором.

– Жалко, говорите?

– Жалко! – снова хором ответили мы.

Начальник снова сел в своё кресло и опять умолк на сто часов. Что за манера такая у этих начальников – молчать сутками. Потом он долго мямлил сигарету, закурил, тяжело вздохнул и тихо говорит:

– А сегодня ночью на шестьдесят седьмом километре семья погибла. Муж, жена и двое маленьких детей. И знак висел «сорок», а он летел сто шестьдесят. Скажите, нормальный человек? И сам погиб, и семью погубил. А вы говорите, знак нужно повесить.

Мне вдруг захотелось встать и уйти. Я вскочил со стула и выпалил:

– Извините, мы пойдём. Спасибо, что нас выслушали.

– Сиди-сиди, – махнул рукой милиционер, – чего уж. Ты же пришёл вопросы решать, а сам убегаешь...

– Как-то неловко, – пожимаю плечами.

– А чего ж тут неловкого, – снова тяжело вздохнул начальник. – В общем, пацаны, давайте так договоримся, я сейчас ничего обещать не буду, но постараюсь что-нибудь придумать. Гоняют, говорите?

– Ещё как, – подтвердил я. – Как бешеные. Словно это и не улица вовсе, а какая-то «Формула-1».

Начальник ухмыльнулся и протянул нам руку, давая тем самым понять, что разговор окончен:

– Ну, будьте здоровы! Думаю, ещё увидимся.

Мы вышли из кабинета расстроенными.

– Ничего он не сделает, – заключил Юрка. – Так, по уху нам стрельнул, чтобы мы отстали от него, и всё.

– Нет, – не согласился я, – дед говорит, что чем выше начальник, тем он крепче держится за своё слово.

– Ерунда всё это, – возразил Юрка. – Я по его глазам видел, что мы ему надоели, и он просто отделался от нас.

– Не согласен, – снова говорю. – Нормальный мужик.

– Ну посмотрим, – ответил Юрка, и до самого нашего дома мы больше не разговаривали.

Домой мы добирались на огромнейшем оранжевом мусоровозе. На нашу удачу, он как раз ехал в наш посёлок. Странно, но почему-то на всех больших машинах работают нерусские водители. В этот раз водитель и его помощник оказались азербайджанцами. Весёлые ребята, но нам было не до шуток. Помощник водителя даже спросил у меня:

– Зачем такой грустный, да?

– Родственники в аварии погибли, – говорю, чтобы больше не приставал с вопросами.

– Извини, братко, не знал, да, – зацокал языком азербайджанец и больше не пытался шутить и разговорить нас.

И вы знаете, кого я представил во время этого вранья? Не смейтесь, но Ириса и Тайсона. Так мне их стало жалко, так защемило в груди, что я едва не всплакнул. А ещё я подумал, если мы не спасём остальных жителей нашего посёлка, то это будет на нашей совести.

Только сейчас (лёжа в больничной палате) я осознал, что имел в виду Владимир Набоков в «Защите Лужина», говоря о детстве, как о поре, «когда нюх у души безошибочен; выискивать забавное и трогательное; постоянно ощущать нестерпимую, нежную жалость к существу, живущему беспомощно и несчастно, чувствовать за тысячу вёрст, как в какой-нибудь Сицилии грубо колотят тонконогого ослёнка с мохнатым брюхом».

Это ж надо так сказать! Как хорошо, что я умею читать. А ведь были времена, когда даже не все взрослые умели читать. Дед говорит, что советская власть всех людей научила читать в нашей стране. Может, папа зря спорит с дедом? Научить всех читать – это какое нужно терпение? Я помню, как меня мама учила. И смех, и слёзы. Нервничает, злится, потом целует. Снова нервничает, снова злится, снова целует. Но, мамочка, милая моя Анна Михайловна, как я тебе благодарен, что ты всё это выдержала, и я теперь читаю такие поразительные книги. Впрочем, досталось всем: кто меня только не учил – и дед, и бабушка, и папа, и даже Лилька. Но Лилька хитрая. Мама скажет ей: Лиля, позанимайся с Мишкой. Она кивнёт, берёт книгу и читает мне сказки. Я слушаю и наслаждаюсь. Она читает, а я мультик смотрю. Серьёзно, когда мне в детстве читали сказки, я мысленно крутил в голове мультики, свои, ни на какие другие непохожие. И даже когда потом по прочитанной сказке смотрел настоящий мультик, почему-то мне казалось, что мой – гораздо лучше, красочнее и интереснее. Хотя по телику всё равно смотрел с удовольствием, потому как, чтобы свой прокрутить, нужно же было снова сказку читать. В общем-то, я так и поступал, когда киношные надоедали и когда сам научился читать...

Из воспоминаний меня вырвали визг тормозов и крик водителя:

– Ай, сволочь, да куда же ты бежишь? Зачем сам под колёса лезешь?

Я вздрогнул, зажмурился, весь сжался. Но, услышав облегчённый вздох водителя, открыл глаза и посмотрел в окно. На обочине стояла собака с высунутым языком и довольно виляла хвостом.

Помощник водителя высунулся по пояс из окна и прокричал ей, словно она могла понять его:

– Дура, э! Зачем пиригаешь под колёса?

Я улыбнулся. Думаю, я сам тебя с трудом понимаю, а ты ещё с собакой разговариваешь. «Пиригаешь...» Сам ты пиригаешь. Говорю же, ездить нужно аккуратно. Хотя к этому водителю никаких претензий у нас не было. Он действительно ехал степенно. Вот так бы все...

Добравшись домой, мы с Юркой стали думать, что делать дальше. И вдруг мне в голову пришла гениальная идея.

– Юрец! – заорал я. – Я знаю, что делать.

– Что? – вытаращив глаза, подпрыгнул Юрка.

– Мы сами этот знак нарисуем.

– Как? – удивился друг.

– Очень просто! – говорю я. – Выпилим из фанеры треугольник и нарисуем знак. Ты же умеешь рисовать?

– А размеры? – выпятил губу Юрка.

– Ерунда какая, – говорю я. – Знаки, они же все одинаковые. Вон на перекрёстке знак стоит и за переездом штук пять. Что нам стоит их измерить?

Через полчаса с помощью стремянки и школьной линейки мы выяснили, что стороны треугольников у разных знаков имеют разную длину. Есть знаки со стороной в шестьдесят три сантиметра, а есть и по восемьдесят три.

– Какой размер будет у нашего знака? – спросил Юрка.

– Давай сделаем средний, – предложил я, – пусть будет семьдесят сантиметров.

– Правильно, – согласился Юрка. – Ни нашим, ни вашим.

Осталось найти кусок фанеры и краску. И это мы всё разыскали без проблем. У деда в мастерской (так он называет свой сарай), если захочешь, хоть чёрта живого отыщешь. Дед, конечно, с подозрением отнёсся к нашей идее. Но мы наврали ему с три короба. Пояснили, что были у начальника ГАИ, и он лично сам нам разрешил повесить на въезде этот знак. По выражению лица деда было заметно, что он нам не поверил, однако почему-то не стал нас переубеждать и отговаривать от этой затеи. Только предупредил, что, если власти пойдут на принцип, отцу придётся платить штраф.

– Что будем делать? – нахмурился Юрка.

– Отступать некуда, – шучу я, – позади Москва.

– А ты не боишься, что отец всыпет тебе? – спрашивает Юрка.

– Нет, – соврал я, хотя и сам уже об этом подумал. Но отступать действительно было некуда. Что ж мне теперь из-за страха взять и всё дело погубить? Нет, как говорит бабулька. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». И зачем я привожу все эти дурацкие выражения? Вот вы, например, знаете, что такое «гуж»? То-то и оно. Ладно, полез снова в интернет. Всё-таки интернет – полезнейшая штука. Не представляю, как раньше люди писали свои книги. Не могли же они все слова знать? А может быть, они те слова, которые не знали, не использовали? Или в библиотеках днями просиживали? Да, не позавидуешь им. Наверное, потому и каждую книгу писали по двадцать лет...

Вот тупица! Как же я сразу-то не догадался? Спасибо вам, господин Ушаков.

Оказывается, гуж – это в лошадиной упряжке такая петля, которой соединяют хомут с оглоблями и дугой. Взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Вот вам и пословица получилась. Видимо, нужно иметь силу, чтобы браться за гуж. Отсюда, скорее всего, и гужевого транспорт пошёл. Да, действительно, век живи, век учишь.

Треугольник для знака мы вырезали только часам к десяти вечера. Что-то я в тот день так умаялся, еле до кровати добрался. А тут ещё Юрке родители позвонили, сказали, что завтра заедут за ним с утра пораньше и заберут домой. Юрка пытался отпроситься ещё на день, но родители оказались непреклонны.

– Ты, Мишаня, не переживай, – говорит Юрка. – Ложись, отдыхай, мне тут делов на пару часов осталось. Нарисую и тоже лягу спать. А завтра вечером приеду, вместе и повесим.

– А если предки не отпустят? – говорю.

– С чего бы это? – удивился Юрка.

– А почему они утром тебя забирают? – спрашиваю.

– Тут другое дело, – говорит Юрка. – Мы завтра едем в гости к маминим родителям. Ну, к моим деду с бабкой. А мать обещала, что я тоже приеду. В общем, съезжу отмечусь, а вечером снова к тебе. Понял?

– Понял, не дурак, – зевнул я во весь рот и ушёл в свою спальню. Юрка после своих художеств ночевал в Лилькиной комнате.

Спал я как убитый. Даже снов не видел. Хотя последнее время мне сны снились часто. Однажды приснился такой стрёмный сон, что я как будто... Нет, извините, я не буду этот сон рассказывать. Стесняюсь. Ужасный сон. Наверное, никогда его не забуду.

Проснулся я на следующий день часов в десять. Я, может, и ещё бы спал, но только жара достала. И тут я вспомнил, что Юрка должен был нарисовать дорожный знак. Стремглав рванул в сарай. По дороге дед оповестил меня, что Юрка уехал на мотоцикле вместе с

отцом два часа назад. Вбегаю в сарай, включаю свет. Знак красивый, яркий. Молодец, Юрка! Но тут я обомлел – в треугольнике вместо коровы стояли собака, похожая на таксу, и улыбающийся кот. Причём стояли эти наглые звери в обнимку. Я зажмурил глаза, думаю, может, ещё не проснулся. Открываю, нет, точно – кот и собака, в обнимку. Я мигом взлетел к себе в комнату, схватил мобильник и набрал Юркин номер телефона. Сжав зубы, спросил:

– Юра, ты кого нарисовал в треугольнике?

– Что, не похоже? – настороженно спросил Юрка.

– Я ещё раз у тебя спрашиваю: кого ты нарисовал на знаке?

– Кота и собаку.

– Ты что сдурел, что ли? – заорал я. – Я же тебе книгу с ПДД дал. Там есть такой знак?

С котом и собакой? Там же корова нарисована.

– А разве у вас в посёлке есть коровы? – недоумённо спросил Юрка.

– Ты что? Издеваешься надо мной?

– Нет, не издеваюсь. Только не пойму, мы кого охранять будем? Коров или котов с собаками?

– Ладно, – говорю обессилено. – Приезжай вечером, будем исправлять.

– Без проблем, – говорит Юрка, – нужна корова, будет тебе корова...

Я отключил телефон и отправился в душ. Вот баран, думаю. Зря я вчера рано ушёл спать. Нужно было до конца дело довести. Правильно дед говорит: сделал дело, гуляй смело.

Глава 5

Сам не пойму, чего я так расстроился. Приедет Юрка вечером и нарисует эту идиотскую корову. А с другой стороны, может, кот с собакой действительно будет правильнее? Это же наш знак, не государственный. Этот знак мы с Юркой изготовили, мы его сами придумали. За такой даже и не оштрафуют. А за что штрафовать? Нет такого знака? Раз нет, значит, и штрафовать не за что. Вот кретин, на Юрку наорал. А ведь он всё правильно сделал. Всё верно. Я схватился за телефон, но, увы, Юркин номер был недоступен. Ладно, махнул я рукой. Вечером приедет, извинюсь.

Но Юрка не приехал ни в этот вечер, ни на следующий. Вы сразу же подумали, что он обиделся. Ну, признайтесь честно. Подумали? Я бы тоже так подумал. Но Юрка заболел ангиной. И где он в такую жару мог ангину подхватить? Ума не приложу. Мороженого, наверное, объелся. Я как-то в пятом классе из-за этого треклятого мороженого сам болел целую неделю. Как он там, бедняга? Лежит с температурой. Уколами теперь замучают. Я так разволновался, что самому показалось – температура, что ли, подскочила. Вставил градусник, ни фига. Тридцать шесть и шесть. Аптека такая есть – «тридцать шесть и шесть» называется. Чистенькая такая, уютная. Аптекарьши там вежливые и красивые. Я одной из них даже как-то залюбовался. У неё такой халатик был, вроде бы и белый, но полупрозрачный. Она идёт по залу, а через халатик видны (вот совсем чуточку) голубенькие трусики. А на попке такие бороздки, словно крылья птицы. На чайку похоже. В какой-то миг мне даже показалось, что я влюбился в аптекаршу. Она так красиво шла, я даже рот раскрыл. А женщина возьми и резко обернись. Неужели почувствовала мой взгляд? Да быть такого не может. Тогда почему она так резко обернулась? Нет, здесь что-то не то. Если бы вы знали, как мне вдруг стало стыдно. Я чуть сквозь землю, в смысле, сквозь пол не провалился. В одно мгновение забыл, зачем я сюда пришёл. Развернулся и буквально выпрыгнул, вот честное слово, не выбежал, не вылетел, а именно выпрыгнул из аптеки, словно заяц из кустов. И чего я устался на её трусики, вот дурень. Как вспомню тот случай, до сих пор краснею. Но всё равно было очень красиво. Я после того случая больше такой красоты не видел. А вот в интернете на голых девок смотрю, ни капельки не краснею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.